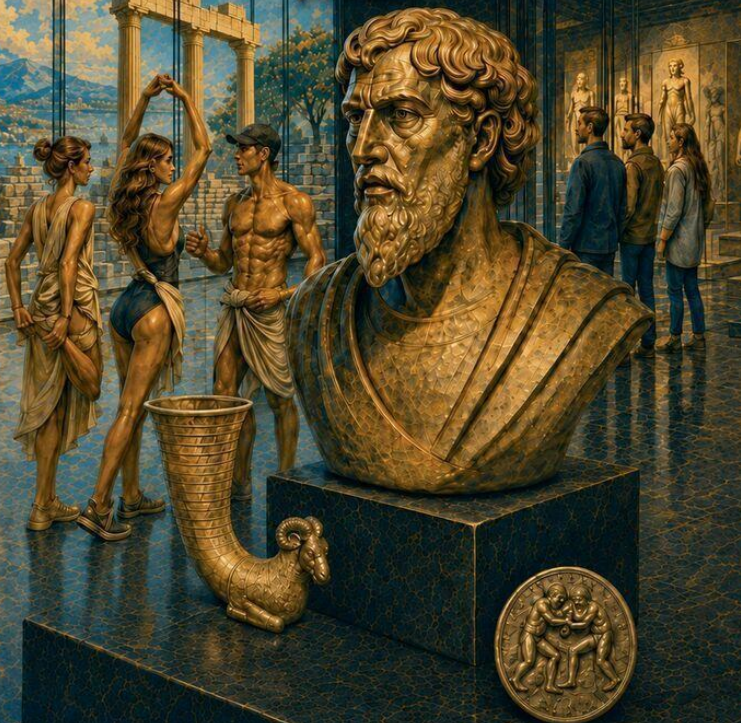


18+ СПОРСКИЙ
АГОН

— роман —



Алексей Кыласов

Алексей Кыласов

Боспорский агон

<https://litres.ru/74275487>

ISBN 9785007069953

Аннотация

Что будет, если современных студентов поставить в жесткие рамки древнегреческого гимнасиона? Историческая реконструкция превратилась в рискованный телесный и духовный эксперимент. Пока молодые люди ищут себя через катарсис состязаний, антрополог Лонгин пытается удержать баланс между реальностью и мифом, беседуя со скифским мудрецом Анахарсисом о свободе, добродетели и стыде. Тонкий, интеллектуальный автофикшн на стыке эпох, где античная философия становится зеркалом для нашего времени.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I. ИДЕЯ	15
Глава 1. Фиас	15
Глава 2. Этика и нагота	44
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Боспорский агон

Алексей Кыласов

Корректор Сергей Барханов

© Алексей Кыласов, 2026

ISBN 978-5-0070-6995-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Автомобиль с московскими номерами на улице Пушкина в Анапе замедлял поток транспорта: он то и дело притормаживал в поисках парковки. В это время по радио кто-то сетовал:

— Найти в нашем городе место возле набережной непросто. Даже в «несезон».

Но московскому гостю всё же повезло — на перекрёстке с Греческим переулком оказалось свободное место, которое он стремительно занял.

Оплатив парковку в смартфоне, он направился к археологическому музею «Горгиппия», разглядывая сквозь забор огромный раскоп, превращённый в павильон под открытым небом. Сквозь прутья забора проступали руины античного полиса: провалы жилых подвалов, старые амбары, колодцы, глубокая цистерна и остатки винодельни. А прямо перед забором — лапидарий из найденных здесь же саркофагов, надгробных плит, капителей, водостоков, зернотёрок и многого другого. Но среди всех этих артефактов гость пристально выискивал нечто другое.

Увидев стелу с агонистическим каталогом, он обернулся на свой автомобиль. Машина была как раз там, где когда-то откопали стелу, — у санатория «Кубань». Он улыбнулся и сказал сам себе:

— Знаковое совпадение. Как будто ждали меня с резервацией самого подходящего и, главное, символичного места.

Он осмотрелся вокруг, живо представив, как здесь, в жилых кварталах античной Горгииппии, некогда возвышалась на постаменте эта мраморная стела — массивная двухметровая плита в полметра шириной и толщиной в ладонь. Скорее всего, она была установлена возле входа в гимнасион, побуждая атлетов к усердию в гимнастических практиках. А высеченные на ней имена победителей местных агонов служили им стимулом.

Сегодня к ней не подойти просто так — нужен билет в музей. Но для тех, кто всё-таки дошёл до неё, голосом гида сообщают:

— В Горгииппии — крупнейшем в ту пору морском порту Боспорского царства — агоны посвящали Гермесу и называли Гермесии. На этой стеле, названной «Горгиппийский каталог», имена победителей разделены на четыре списка — по видам состязаний. Сохранились обозначения лишь трёх из них: *долихос* — длинный бег на несколько стадий, что близко к нашей средней дистанции; *лампадодромия* — бег с факелами; и *пале* — борьба. А вот четвёртый вид остался без названия. Судя по всему, это были *мусические агоны*, упоминавшиеся в эпиграфике всего Боспора: состязания поэтов, глашатаев и музыкантов, игравших на кифарах, лирах, флейтах и трубах.

— Но есть и другая версия четвёртого агона, — возра-

зил московский гость, тоже оказавшийся внутри музея. — На Боспорских агонах вполне могли проводить традиционные состязания скифов. Точно так же, как эллинские агоны. Тому есть немало подтверждений в античных источниках. К тому же в этом списке немало скифских имён. Поэтому названия скифских агонов вполне могли быть стёрты позднее ревнителями олимпийской веры. Но что это были за игры? Мне кажется, перед нами та самая анкиломахия, упомянутая в другом агонистическом каталоге — Херсонесском.

Гид, поначалу недовольный репликой незнакомца, после столь подробного экскурса заметно оттаял. Он с интересом разглядывал гостя, мгновенно распознав в нём коллегу — учёного-антиковеда. И от лица всей группы учтиво ему предложил:

— Коллега, раз уж вы сами затронули эту тему, — гид заметно воодушевился, — не поделитесь своей гипотезой об анкиломахии? Нам в музее постоянно задают этот вопрос, но в публикациях нет единого мнения.

— Видите ли, в историографии до сих пор нет консенсуса. — Лонгин повернулся к стеле. — Всё упирается в трактовку термина $\alpha\kappa\upsilon\lambda\eta$ — это «петля»¹. Отсюда и чехарда мнений. Одни наши классики — вроде Латышева или Кадеева — видели здесь то метание мяча с ремешком, то дротика с петлёй. Блаватский настаивал на метании аркана, Скржинская — на праще. А британец Миннз и вовсе усмотрел тут скиф-

¹ $\text{A}\kappa\upsilon\lambda\eta$ (др.-греч. *анки́ли*) — изгиб, крючок, петля на копье.

скую борьбу на поясах. Понимаете, какая палитра? Но все они упускают из вида то, что ремешок использовался и в метании копья с названием ἀκοντισμός². Так что, скорее всего, речь идёт о чём-то другом. Например, стрельбе из лука. Тем более что αἰκὺλη — это ещё и «изгиб, скоба».

— Ваша гипотеза выглядит куда убедительнее прочих. — Гид уважительно кивнул. — Спасибо за этот экскурс. Позвольте узнать ваше имя, чтобы следить за вашими публикациями.

— Доктор Лонгин. — Московский гость слегка склонил голову. — Мой профиль — античные телесные практики, ритуалы и состязательная символика.

— Мне кажется, я видела вас в какой-то передаче по «Культуре», — негромко заметила одна из женщин в группе.

Гид повёл группу дальше, а Лонгин остался у стелы. Точнее — у её копии, изготовленной в 1996 году сотрудником местного музея Владимиром Иванисовым. Сам же оригинал был отправлен в Керченский музей древностей сразу после раскопок 1895 года. Так распорядился Николай Веселовский, профессор Петербургского университета, руководивший изысканиями: своего музея в Анапе тогда попросту не было³.

² **Ἀκοντισμός** (др.-греч. *аконтисμός*) — метание дротика, метание копья.

³ **В то время Анапа** только начинала возрождаться после разрушения в мае 1854 года, в разгар Крымской войны. Со временем, когда Анапа стала городом-курортом, для развлечения отдыхающих в 1910 году построили выставочный зал, в котором стали размещать находки экспедиции Веселовского, а

Лонгин был удивлён тем, что эта копия производит на него столь сильное впечатление. Пытаясь разобраться в своём восприятии, он включил запись голоса в телефоне и стал рассуждать вслух:

— Копиями не брезговали и сами эллины — вспомнить те же кенотафы. А в Римской империи их производство и вовсе поставили на поток, потакая лавинообразному спросу на всё греческое. Но как быть с Бенямином? С его мыслью об утрате ауры памятника? Той самой ауры гения, как называли римляне присутствие духа. Но здесь — возле этой конкретной копии — удивительным образом возникает трепет, сравнимый с волнением, которое вызывает хорошая музыка даже в записи. Возможно, потому, что стела стоит на своём историческом месте. Именно потому она продолжает вызывать почти телесную ностальгию. К тому же она по-прежнему гармонирует с окружающим её пространством: лишившись постамента и позолоты, она стала остраконом тех лет — неотъемлемой частью руин.

Покинув музей, он продолжал излагать в телефон свои мысли уже за рулём автомобиля:

— И всё же Горгиппийский каталог утратил былое величие. Он перестал быть монументом героев-олимпиоников: сейчас это всего лишь каменный список тех, кто был καλὸς

также различные артефакты, найденные местными жителями самостоятельно. При этом наиболее ценные находки по-прежнему переправлялись в музеи Керчи, Санкт-Петербурга и Москвы — до тех пор, пока выставочный зал не преобразовали в археологический музей «Горгиппия» в 1977 году.

καὶ ἀγαθός⁴. Эпоха сменилась, и список больше не вызывает того благоговейного восхищения, которым его окружали в античности.

Раздумья Лонгина рассеялись сами собой, уступив место холмам и лиманам Таманского полуострова, а затем — магическому скольжению по Крымскому мосту над Босфором Киммерийским.

Спустя пару часов он вошёл в зал Керченского музея древностей, где хранился оригинал Горгиппийского каталога. Вот только вопреки предвкушениям у самой стелы он понял: никакого потрясения нет. Ни экстаза, ни катарсиса.

После музея он направился в сторону Большой Митридатской лестницы, продолжая излагать свои мысли:

— Странно: и оригинал, и копия открыты для всех, но былого эвристического восторга больше нет. Хотя их по достоинству оценили и возвели в ранг национального достояния уже тем, что выставили в музейных залах.

Дойдя до подножия Митридатской лестницы, Лонгин всё же не стал подниматься. Он решил не утруждать себя изнуряющим походом в полуденный зной к руинам Пантикапея, а направился в сторону моря через всю площадь с неизменной для всех постсоветских городов статуей Ленина. Пройдя сквозь стилизованную под старину аркаду, он остановился

⁴ **Καλὸς καὶ ἀγαθός** (др.-греч. *калос кай агаѳос*) — прекрасный и благой; фраза, из которой возник эллинистический идеал гармонии человека — калокагатия.

возле постамента золотого статера — монеты Боспорского царства. Задумчиво глядя на золотой лик сатира с монеты, он продолжил свои размышления:

— В античности траты на агоны были формой почитания богов, а сейчас соприкоснуться с ними можно только в музеях. Но платить по-прежнему надо. Только теперь это стало обычным культурным потреблением, полностью лишённым ауры религиозного служения. Больше никто не замирает перед этой стелой — она перестала быть монументом героев. А между тем в античности атлеты действительно были героями, ведь слово «атлет»⁵ происходит от слова «атлон» — «подвижник, кто прошёл испытания»⁶. А сейчас на Горгиппийский каталог смотрят как на любой другой стенд: быстро, выборочно и без вопроса, почему он вообще здесь установлен, — неважно, в Анапе или в Керчи. Ирония в том, что этот каталог пережил сами агоны. Память о состязаниях пережила города, где они проводились. Но своё священное содержание камень всё же утратил, а вместе с ним — и смысл своего присутствия в живом городском пространстве. Мы по-прежнему платим за то, чтобы увидеть эти строки, но в этой плате нет больше ни намёка на вотивный обряд — на

⁵ Ἀθλητής (др.-греч. *атлэтэс*) — подвижник, прошедший испытания, борец, участник состязаний; человек, посвятивший себя тяжёлому труду ради достижения победы (от корня ἄθλον).

⁶ Ἄθλον (др.-греч. *атлон*) — подвиг, свершение, тяжёлое испытание; от этого корня происходит термин ἄθλα (*атла*) — знаменитые двенадцать подвигов Геракла, основателя Олимпийских игр.

подношение богам и героям.

Он шёл по набережной, которую, казалось, не прекращали перестраивать со времён Спартокидов. Этот хаос удивительно шёл Керчи — старейшему городу на территории России, основанному в VII веке до нашей эры. Город будто нарочно, без всякого стыда предъявлял прохожим шрамы и следы всех своих культурных слоёв одновременно.

Обернувшись на Митридатскую лестницу, Лонгин представил ровесника Пантикапея-Керчи Анахарсиса — «мудрейшего из скифов», по словам Геродота.

— Зачем вообще этот список в камне? — тут же спросил его Анахарсис, воплотившись наяву.

Лонгин удивился его появлению, но сразу ответил:

— Чтобы помнили.

— Память не требует камня, — возразил Анахарсис. — Камень нужен лишь там, где память теряется.

Лонгин нахмурился:

— Но память не просто теряется, её иногда похищают. Расхитители гробниц были всегда. В XVIII веке в Англии даже ставили каркасы на могилах — мортсейфы.

Анахарсис поднял палец, как если бы продолжал давний спор:

— Когда память начинают охранять, это значит, что почитание исчезает. То, что чтят, не нуждается ни в какой ограде.

Он посмотрел на город и добавил:

— Вы платите, чтобы смотреть на то, что у нас было жерт-

вой богам. Но платите не в святилищах и музейонах, а просто за то, чтобы взглянуть на диковинное старье, собранное в одном месте.

Лонгин кивнул:

— Мы и правда собираем обломки разрушенных храмов и статуй. Только наши музейоны посвящены не мольбам о творческом озарении, а слепому восхищению прошлым.

— Тогда скажи, — словно выпытывая тайну, вкрадчиво спросил Анахарсис, — ради чего вы теперь состязаетесь?

Лонгин растерялся. Этот вопрос поразил его тем, что звучал он точнее и проще, чем замысловатая формулировка в его исследовании. Да и задал его тот, на кого ссылались Аристотель, Платон, Плутарх и другие мыслители.

— Мы разрушили храмы и больше не верим в олимпийцев, — собравшись с мыслями, продолжил он. — Да и в других богов, если честно, не верим тоже. Мы прославляем лишь личные достижения атлетов — в отрыве от богов, народов и государств.

— В таком случае я не пойму, — продолжил Анахарсис, — ради чего вы теперь состязаетесь? Ведь агон без богов не становится подвигом.

Лонгин поразился: он и сам думал точно так же. Именно так, слово в слово, он формулировал для себя главную ценность — аксиологию этого эксперимента по исторической реконструкции Боспорских агонов.

В эксперименте участвовали шестнадцать добровольцев

— восемь юношей и восемь девушек. Лонгин отбирал их строго по трём критериям: хорошая физическая подготовка, отсутствие академической задолженности и лучший реферат по теме античных агонов. Им предложили прожить один день как античным атлетам — с тренировкой в гимнасии и состязанием в пентатлоне, чтобы выяснить: готовы ли современные люди быть такими, как того требовал олимпийский агон?

ЧАСТЬ I. ИДЕЯ

Глава 1. Фиас

Добровольцы — участники научного эксперимента собрались на горе Митридат на рассвете. Они уже познакомились накануне — при заселении в гостиницу. И сейчас они обсуждали, что их ожидает. При этом все они то и дело утыкались в экраны телефонов, переписываясь в чатах и листая соцсети.

Туристов в такую рань ещё не было. Снизу, из поволоки утренней дымки, едва проступали пустые улицы пробуждающегося города. На этом фоне шумная суматоха на вершине казалась такой странной, будто древние камни Пантикапея тоже оживали: в косых лучах солнца над ними поднялась зыбкая испарина от росы.

Один из пришедших — студент-философ — воскликнул.
— Я жрец и воздаю приветствие богине утренней зари Авроре!

— Пантикапей, конечно, застал римлян, но нас-то собрали по эллинской теме, — оборвал его историк. — Так что молись Эос. И желательно без лишнего пафоса. Ей и так тяжело: Афродита застукала её с Аресом и прокляла вечной страстью ко всем смертным юношам. Оттого бедняжка и краснеет каждое утро.

После этих слов послышались игривые смешки. Провозгласивший себя жрецом Авроры студент-философ покраснел, но тут же парировал:

— Понятно — утреннее возбуждение кому-то не даёт покоя.

— Завязывайте с мифами, — вмешалась медичка. — Физиология прозаичнее. Утренняя эрекция — это не про желание, а про пиковый тестостерон и давление полного мочевого пузыря на простату. Обычный рефлекс, проверка сосудов организмом.

— И всё же греки не сводили культуру к инстинктам, — не сдавался философ. — У них для одной только любви было шесть разных слов. От божественной *агапе* и чувственного *эроса* до дружеской *филии* и внезапной *ксении*. Так что соматикой всё не объяснить.

Спор затих, но у всех осталось предвкушение: день обещает быть как минимум нескучным. Далеко не каждый здесь был знатоком античности, но все без исключения ждали погружения в неизвестность — того самого, ради чего они и ввязались в эту авантюру.

По пути к вершине, где ждали участники, Лонгин притормозил у символа Пантикапея — арки с портиком на колоннах. На экране смартфона висело сообщение от редактора журнала, взявшегося опубликовать отчёт об исследовании:

«Посмотрите срочно. Уже обсуждают».

Ссылка вела на страницу известного антиковеда. Тон по-

ста был академически выдержанным, но напрочь перечёркивал саму идею полевого изучения античных практик:

«Реконструкция античных агонов в формате „полевого эксперимента“ вызывает методологические сомнения. Олимпийские игры в Древней Греции — не телесная практика для воспроизведения, а сложный религиозно-политический институт. Поэтому попытки актуализировать их через банальную наготу и соревновательную имитацию рискуют подменить исследование перформансом».

Комментарии множились:

«Неоязычество».

«Романтизация насилия».

«Этический релятивизм».

Редактор торопил:

«Прошу выразить вашу позицию. Желательно публично. И прямо сейчас. Иначе закрепится односторонняя интерпретация».

Лонгин понимал, что полевые исследования всегда раздражают тех, кто предпочитает анализировать тексты, а не практики.

Он открыл чистое поле ответа и написал:

«Реконструкция — это метод, а не культ. Мы исследуем структуру агона как форму телесной культуры. Речь идёт не о подражании, а об эвритмии».

Сделал паузу и добавил:

«Жак-Далькроз заимствовал понятие эвритмии у Аристотеля, обозначавшего ею благостную соразмерность. Цель эвритмии — переход от „я знаю“ к „я испытал“, чтобы пережить идею в движении. Эвритмист создаёт образ, очеловечивая идею эмоционально, — и тем самым отличает практику от механической гимнастики и муштры».

Перечитав этот кусок, Лонгин решительно всё стёр и написал иначе:

«Античность бесполезно просто описывать. Её нужно пережить в том же ритме и движении. Только так можно увидеть, где кончаются книжные интерпретации и начинается настоящий опыт».

Нажал «опубликовать» и пошёл дальше. Как только он оказался в окружении студентов, машинально всех пересчитал и, убедившись, что все в сборе, сказал:

— Здравствуйте, коллеги! Спасибо, что вы согласились участвовать в эксперименте. Я доктор Лонгин, антрополог. Изучаю телесные практики, состязательные ритуалы и то, как мы воспринимаем их сегодня.

— А Лонгин — это имя или фамилия? — спросила студентка-юрист.

— Имя, — ответил он.

— А больше похоже на фамилию, — не унималась она.

— Тогда нам нужно знать ваше отчество, — поддержал

студент-пиарщик.

— Зовите меня без отчества: доктор Лонгин или просто доктор. Так короче и проще.

— А что означает ваше имя? — поинтересовалась студентка-филолог.

— Меня называли в честь первого предка по мужской линии, упомянутого в исповедальной ведомости XVII века. Когда церковь признала святым центуриона Лонгина — того самого, что пронзил копьём Иисуса Христа, — этим именем стали нарекать мальчиков.

— Но есть и ещё один известный Лонгин — философ III века Кассий Лонгин, — сказал студент-философ. — Его ученик Порфирий известен крамольным трактатом «Против христиан».

Раздался гул обсуждения.

— Ничего себе у вас имя, — воскликнула студентка-режиссёр. — Прямо завязка сюжета в духе Индианы Джонса или «Кода да Винчи».

— Не драматизируйте, — иронично продолжил Лонгин. — В метании копья я участвовать не буду — этим займётесь вы. А наша реконструкция не против христианства: у нас нет цели потворствовать неоязычеству.

— А к какому периоду относится программа нашего эксперимента? — спросил студент-историк. — В смысле, к какой Олимпиаде мы апеллируем?

— Мы не станем привязываться к конкретной Олимпиа-

де, — ответил Лонгин. — Сами состязания веками оставались неизменными. Их квинтэссенцией был пентатлон — ядро, собравшее в себе главные гимнастические дисциплины. За основу мы возьмём спартанскую модель, потому что там пентатлон практиковали как юноши, так и девушки. Вы сможете наблюдать друг за другом — лакедемоняне не считали это предосудительным.

Заметив общее смущение, Лонгин выдержал паузу, но объясняться не спешил — оставил интригу на потом.

— Наш эксперимент продлится всего один день. Завтра. Мы обоснуемся в Нимфее — древнем городе с театром, святилищем и каменными трибунами. Эти камни сами задают верную меру телу, возвращая нам взгляд древних эллинов. Мы лишь временно подготовим площадку — разумеется, с разрешения Нимфейской археологической экспедиции Эрмитажа, которая работает здесь больше века.

Участники переглянулись.

— Нимфей посвятили нимфам, которые позаботились о Дионисе. Он родился без матери. Его беременную мать Семелу убила из ревности Гера, и Зевс выносил его в собственном бедре.

Участники опять переглянулись. Удивлённо.

— Дважды в год в Нимфее проводились Дионисии и один раз в год — Карнеи, посвящённые Аполлону. Их отмечали в начале месяца Метагейтнийон — это были главные торжества Боспора, потому что его заселяли выходцы из Милета, боль-

ше всего почитавшие Аполлона из всех олимпийских богов. И даже главный храм акрополя здесь был посвящён Аполлону.

Он показал на вершину горы Митридат.

— Зародились Карнеи в Спарте и проводились во всех дорийских городах: Аргосе, Делосе, Кирене, Косе, Сиракузах, Таренте, Тире. И что для нас главное — так это то, что в спартанских агонах участвовали как юноши, так и девушки.

Все ещё раз переглянулись.

— Но прежде, чем мы начнём, — добавил Лонгин, — одно условие. Каждое ваше представление — это не просто рассказ о себе, — добавил Лонгин. — После него один из вас должен сделать выбор. Назовите того, с кем вы хотите быть в одном фиасе⁷, или того, кого рядом видеть не желаете. Повторяться нельзя. Помните: фиас рождается из ваших личных предпочтений. Порой весьма неприятных.

Он оглядел всех.

— Интерес историка мне понятен, как и мотивация двух спортсменов, — продолжил Лонгин. — Но это лишь часть нашей группы. Поэтому давайте знакомиться. Предлагаю начать историку.

Студент-историк слегка пожал плечами, будто не был готов начинать первым, но быстро собрался и сказал:

⁷ **Θιάσος** (др.-греч. *thíasos*, визант. *fiásos*) — религиозно-культовое объединение, братство почитателей определенного божества (чаще всего Диониса), собиравшееся для проведения празднеств, обрядов и священных шествий.

— Меня зовут Алексей, я историк, занимаюсь греческими полисами Северного Причерноморья. Этот проект для меня — редкий шанс выйти наконец из текстов. Увидеть наяву то, о чём мы знаем лишь по источникам: тела, события, практики. Хочу реконструировать их до мелочей, чтобы понять эту систему изнутри.

— Выбор, — напомнил Лонгин.

Несколько человек отвели взгляд. Первым заговорил Платон:

— Я бы встал с ним в один фиас. — Он кивнул в сторону Алексея. — Он хотя бы понимает, что ищет.

Кто-то усмехнулся.

— Здесь как раз будут живые тела, через которые можно контактировать с прошлым, — заметил студент-философ.

Студент-историк в ответ кивнул и согласился:

— Вот именно.

— Платон, философский факультет, — представился студент-философ. — Меня интересует вопрос меры: где заканчивается упражнение и начинается мысль, которую оно порождает.

— Тогда мой выбор очевиден, — сказала Ксения. — Я бы не хотела оказаться с тобой в одном фиасе.

Он посмотрел на неё с интересом и спросил без раздражения:

— Почему?

— Потому что ты будешь думать в тот момент, когда нуж-

но действовать.

— Мне кажется, чаще всего за нас решает само тело, его соматика, — вмешалась студентка-медик. — Меня зовут Евгения. В «меде» я привыкла видеть тело лишь как объект страданий, который нужно лечить. Но мне безумно интересно, что с ним происходит в момент предельного испытания. Как обретается та самая гармония физического и мусического, о которой рассуждали Аристотель с Гиппократом.

— А я точно выбрал бы тебя, — сказал юноша крепкого телосложения.

— Почему?

— Потому что ты знаешь, где предел. Для меня это важно. Он сказал это спокойно и с уважением.

— Михаил, из спортивного вуза. Самбист, если что. — Парень от стеснения мотнул головой и зачем-то размял кисти рук. — На ковре мне всё понятно: есть захват, есть бросок, есть свисток судьи и баллы на табло. А тут, как я погляжу, всё иначе. Борьба голышом, да ещё и в масле? Ладно, проверим, что это за аттракцион.

— А я футболистка, — сказала девушка, стоявшая рядом с ним. — Меня зовут Ксения. Я тоже учусь в спортивном вузе. Конечно, на древнегреческих Олимпиадах командных игр не знали, но ведь атлеты из одного гимнаasia всё равно держались вместе. Хочу проверить, права я или нет?

Ксения говорила неожиданно серьёзно. Ребята переглянулись и выжидающе уставились на Лонгина. Тот одобри-

но кивнул:

— Вы правы и не правы одновременно. В агоне побеждал всегда кто-то один. Его победой гордились все: гимнасиарх, педотриб, члены фиаса, граждане полиса, — но венок надевали только ему одному. Командных побед не было. Но это вовсе не значит, что у атлетов того времени не было своего профессионального сообщества.

Он сделал паузу и продолжил:

— Агонистические надписи, собранные Моретти и Эбертом, доказывают: атлеты кочевали по всей эллинской ойкумене. В этих эпитафиях и декретах перечисляются не только их победы, но и города: Немея, Истмия, Олимпия, Дельфы, а также Афины, Антиохия, Бактра, Хеммис, Ликсос. Лучшие атлеты были мобильны. Они принимали участие в разных агонах. Как и современные спортсмены.

Ксения кивнула.

— То есть они были своеобразными кочевниками?

— В каком-то смысле — да. И у них было своего рода объединение профессиональных спортсменов. Оно называлось так: *«Священное избранное сообщество странствующих товарищей Геракла»*.

Студенты переглянулись.

— Это похоже на команду спортивного клуба, — сказала Ксения.

— Не совсем, — уточнил Лонгин. — Скорее, это было профессиональное товарищество. Геракл был их патроном

неслучайно. Он — атлет, борец, герой. А ещё странник. Он обошёл весь мир, совершая подвиги по приказу Эврисфея. Так же и они — переходили из полиса в полис по всей ойкумене.

Сначала кто-то один, а потом и другие стали откупоривать бутылки с водой. То ли все разгорячились в разговоре, то ли солнце поднялось выше и стало припекать.

Снизу слышались звуки трактора и голоса дворников, принявшихся за работу, — город внизу просыпался.

Лонгин внимательно осмотрел всю группу.

— Можно сказать, что это уже был фиас. Это было сообщество тех, кто разделял единый образ жизни. Они могли выступать друг против друга, но вне арены оставались товарищами по атлетическому ремеслу. Они могли проигрывать друг другу на аренах — но дорогу, жильё и риски делили по-братски.

Ксения задумалась.

— Значит, соперничество не отменяло принадлежности к одному кругу?

— Наоборот, — ответил Лонгин. — Именно оно и позволяло выдерживать тяготы и лишения странствий и состязаний. Без фиаса агон мог легко превратиться в войну. А с фиасом он оставался состязанием равных.

Анахарсис, стоявший чуть поодаль, тихо добавил:

— Геракл побеждал один. Но подвиги делал для всех. И потому его все ценили.

Лонгин кивнул и сразу обратился к Ксении:

— Ксения, на агоне вы будете выступать в одиночном разряде, как говорят у вас в спорте. Но именно поражение — ваше собственное или кого-то из ребят — позволит проверить, останетесь ли вы приятелями после жесткого проигрыша. Если сможете — значит, фиас возник.

Следующий доброволец возвышался над группой на целую голову.

— Фёдор, будущий мостовик. — Он засунул руки в карманы, прищурившись на древнюю кладку. — Я считаю на грузки и сопромат. Мне дико видеть сооружения, которые стоят тысячелетиями и на которых до сих пор можно устраивать шоу. Хочу на ощупь понять их алгоритм устойчивости.

— Степан, IT, — подал голос его сосед, не отрывая взгляда от экрана смартфона. — Я привык к симуляциям в «цифре». Ошибку в коде всегда можно откатить. А здесь вы построили нам виртуалку наяву, где кнопка «Ctrl+Z» не работает. Это же чистый хардкор, AR-среда без метаданных. Интересно пощупать этот баг.

Все засмеялись.

— Этот эксперимент тем и хорош, что здесь всё всерьёз, — продолжил айтишник. — Среда вроде бы и смоделированная, выдуманная, но баги назад уже не откатишь. В этом-то и кайф. Какая-то уникальная форма добавленной реальности, смешение настоящей жизни с «цифрой». Мне как раз не хватает таких метаданных.

— Тогда я вот что вам скажу, — вмешался молодой человек с большой шевелюрой и в очках. — Я бы не стал брать в фиас ни инженера, ни айтишника.

— Даже так? — усмехнулся Фёдор.

— Да. Потому что вы будете искать систему там, где её нет.

Он оглядел всех и продолжил:

— Меня зовут Герман, экономический факультет. — Молодой человек поправил очки. — Я привык мыслить категориями выгоды и эффективности. В этом проекте коммерческая отдача от участия равна нулю. Да и в древности шансы стать олимпийщиком были столь же иллюзорными. По этой причине меня интересует чистая мотивация и способность удерживать цель.

Степан и Фёдор выслушали его внимательно, но ничего не сказали.

Шаг вперёд сделал сухой парень с идеальной, почти карикатурной военной осанкой.

— Александр, курсант, — отчеканил он, но тут же мягче продолжил: — Интересно посмотреть на спартанскую модель. Их армия в своё время выкашивала всё, что движется. Но мне важнее другое: как удержать железную дисциплину в строю, если над тобой не стоит майор и никто не отдаёт приказов? Чисто на авторитете соседа по фиасу? Хочу проверить.

— Георгий, журналистика и пиар, — представился юно-

ша с экшн-камерой в руке. — Я привык фиксировать происходящее со стороны. А здесь, как я понимаю, мне придётся участвовать самому в таком невероятном событии. Я очень надеюсь на ваше согласие на съёмку.

— Единственное условие, — напомнил Лонгин, — никакой трансляции и никаких публикаций в реальном времени. Только после финала и общего отбора кадров, как мы договорились, когда вы подавали заявку.

— А меня можешь записывать прямо сейчас, — сказала студентка-режиссёр. — Таисья. Учусь режиссуре. Мне интересны сами мизансцены агонии. Роли расписаны до мелочей, но протагонист изначально неизвестен — он рождается в процессе борьбы. Потрясающая драматургия.

— Меня тоже записывай — я даже буду тебе позировать, хотя обычно позирую тебе, — сказала девушка рядом. — Меня зовут Вероника. Я из института искусств. Скульптор, работаю с телом как с формой. Здесь мне важно понять, насколько пластика современного тела далека от канонов античного атлета.

— Кристина, филологический. — Блондинка поправила съезжающую от ветра прядь волос. — Мой пункт — когнитивная лингвистика. Мне интересно, как слова цепляются за тело. Описать позу, перевести в текст чужую гримасу или жест в момент рывка... Короче, я здесь, чтобы поймать миг, когда язык пытается догнать соматику.

— Родика, юридический факультет, — представилась за-

горелая брюнетка с прямой осанкой. — Я бы хотела понять, как рождались правила, дожившие до современного спорта. Почему древний закон допускал жёсткое физическое воздействие, даже на грани увечий? И отчего мы с такой безрассудной лёгкостью готовы окунуться в brutальный мир состязаний прошлого?

— А меня зовут Кира, я учусь на психолога, — представилась девушка с рыжими волосами. — И мне интересна мотивация каждого участника агона: агонифета, гимнасиарха, педотриба, атлета, — а также весь их распорядок: от режима тренировок и питания до ритуалов отдыха и священнодействий.

— Следующий выбор, — сказал Лонгин.

Никто не заговорил. Пауза затянулась.

— Сложно? — спокойно спросил он.

— Нет, — ответил кто-то. — Просто...

Хрупкая на вид девушка, явно смущаясь, сказала:

— Анна, студентка консерватории, играю на арфе, но в музыкальной школе играла на фортепиано. И ещё я разрядница по лёгкой атлетике. Я знаю, что музыка в античности входила в обязательную программу гимнасиев. Поэтому я и решила, что нашему проекту не помешают аутентичные гимны. Я буду не только тренироваться вместе с вами, но ещё и играть для вас на малой арфе. Она очень похожа на древнегреческую лиру или кифару, я привезла её из Греции. Вот она!

Тут все оживились. Лонгин первым начал аплодировать, и его поддержали все остальные.

Когда овации стихли, участники просто смотрели друг на друга какое-то время, словно примеряясь к будущим соперникам.

— Я бы вас точно взял в команду, — тихо сказал Александр, кивнув Анне, — или, как тут говорят, в фиас.

— Почему? — спросил Михаил.

— Потому что она уже действует. Пока остальные только говорят.

Ксения начала лёгкую разминку, мгновенно приковав к себе взгляды. Она двигалась уверенно и красиво — с тем особым хладнокровием, которое выдаёт профессионала, привыкшего выступать на публике.

Александр задержал на ней взгляд чуть дольше остальных и едва заметно кивнул ей, как будто уже признал в ней соперника.

Герман наблюдал молча. Его интерес был иным — не азартным, а холодным, почти исследовательским.

В это время Анна осторожно достала из чехла маленькую арфу и сделала лёгкий наигрыш. Михаил повернулся на звук и улыбнулся ей.

— Значит, у нас будут ещё и мусические агоны, — сказал он.

Степан тоже покосился на неё, молча уткнувшись в экран: парень пытался распознать старинную мелодию через при-

ложение.

Лонгин некоторое время молча смотрел на них.

— Вы уже начали, — сказал он. — Не договорившись об этом. Прекрасно.

Он сделал паузу и продолжил:

— Вы начали формировать фиас. И теперь самое время сказать о том, что он из себя представлял. Потому что вам предстоит его создать своим непосредственным участием.

— Простите, — тут же отозвался самбист Михаил. — Мой слух сразу резануло это слово. Просто ФИАС — это Международная федерация самбо. Извиняюсь, конечно, за свой французский, но это по первым буквам: *Fédération Internationale Amateur de Sambo*. Поэтому для меня слово «фиас» привычно в таком понимании.

Кто-то усмехнулся. Лонгин понимающе кивнул и сказал:

— Интересный пример. В современном мире мы вообще стремимся всё регламентировать, запатентовать и защитить. Дошло до того, что каждую дисциплину античного агона теперь опекает отдельная спортивная федерация. Хотя Международная федерация пентатлона развивает совсем не то, что называли пентатлоном в Элладе: в античном пентатлоне не было конкура, плавания, стрельбы из пистолета и фехтования. Общим остался только бег. Совпадение — один к пяти.

Лонгин отступил на шаг в сторону и продолжил:

— Древний фиас никто не регистрировал как организа-

цию, он не искал официального признания и не писал уставов. Это было чистое проживание совместности. И то, что вы сейчас делаете, — это его начальная форма. Вы уже различаете, с кем готовы быть рядом. И с кем — нет.

Он оглядел собравшихся и произнёс, слегка замедлив речь:

— Мы разучились действовать сообща — без юридических бумаг. А фиас рождался там, где языку договора вообще не было места.

Улыбки разом исчезли. Лонгин говорил негромко, заставляя ловить каждое слово. Он вёл мысль дальше, уже не цепляясь за формулировки, а обнажая саму суть.

— Фиас — это глубинная общность, возникающая тогда, когда человеку мало быть просто гражданином полиса, исполняющим свой общественный долг. Ведь его внутренний мир гораздо шире рамок рода или ремесла.

— То есть это была форма самоорганизации? — спросил экономист Герман.

— Не совсем, — ответил Лонгин. — Самоорганизация предполагает цель. А цель у фиаса вторична. Первична необходимость совместного действия — служения культу.

Он сделал паузу и посмотрел на группу.

— В Пантикапее главным считался культ Аполлона Иетроса, Врачевателя. Его храм венчал вершину акрополя. А чуть ниже, у так называемого «первого кресла» — руины святилища, посвящённого уже сыну Аполлона — Асклепию,

богу исцеления.

Лонгин указал рукой вперёд и направился к руинам.

— Второй храм — круглое здание, толос. Такая форма была характерна для святилищ Асклепия — начиная с Эпидавра, где, по преданию, он родился. Ещё с микенских времён там существовал культ Малеата — покровителя целительства, ему-то и посвящали круглые жертвенники.

Лонгин вышел в центр круглого фундамента.

— Первый классический толос построил Поликлет Младший — на основаниях древнего жертвенника, около семи метров в диаметре. Эллина считали, что толос выполняет ту же функцию, что и жертвенник — пространство вокруг алтаря. Поэтому и называли его *θυμέλη*⁸. В театрах это было возвышение, возле которого на праздниках Диониса пели и танцевали дифирамбы. Та же логика и здесь — поэтому рядом находился и храм Диониса. Точнее, Диониса и Афродиты.

Лонгин пошёл сам, и за ним двинулись все остальные, пробираясь к руинам храма. На ходу он продолжал:

— Вообще, аполлоническое и дионисийское были неразрывно связаны — это извечная дихотомия эллинского мира.

— То есть люди могли посещать оба храма, не боясь ревности жрецов? — спросила Таисья.

⁸ **Θυμέλη** (др.-греч. *тхюмélэ*, визант. *фимéли*) — алтарь, жертвенник в центре оркестры (круглой площадки) древнегреческого театра, служивший религиозным центром сценического пространства и местом для возлияний Дионису.

— Я бы даже сказал — обязаны были, — обернулся Лонгин. — Ведь вера во всех олимпийских богов была обязательной и единой.

— А в чём же тогда заключалась роль фиасов, посвящённых культам конкретных богов? — спросил Платон.

— В храм мог прийти любой, — Лонгин остановился у разрушенной кладки, — а фиасы объединяли конкретных людей. В Пантикапее — прежде всего тех, чья жизнь была связана с вечным риском: моряков, торговцев, наёмников, переселенцев. Людей, которые не могли рассчитывать на устойчивость своего положения в обществе. Фиас давал им не только равенство и понимание, но и возможность быть вместе, когда поодиночке трудно было справляться с переживаниями.

— Равенство? — тихо сказал Анахарсис. — Нет. Я бы так не сказал. Только временное забвение различий.

Лонгин согласно кивнул. Со стороны казалось, будто он соглашается с собственными мыслями — ведь его невидимого спутника никто больше не замечал. Дождавшись, пока ребята подтянутся ближе, он указал рукой в сторону Таманского полуострова:

— На том берегу пролива, в Фанагории, фиасы часто брали на себя ритуалы погребения. Люди собирались вместе не только ради общения или успеха. Им было важно, чтобы имя усопшего прозвучало над могилой как должно, оставшись в священной памяти общины. Фиас отвечал за конец жизни

— и этим он отличался от полиса, который отвечал за ход жизни.

— Значит, фиас — это про смерть? — тихо спросила филолог Кристина.

— И про неё тоже, — кивнул Лонгин. — Но прежде всего — про метафизический предел. Про ту грань, где правила ещё действуют, но уже не гарантируют выхода за пределы того, что можно оговорить.

Поднявшись первым на смотровую площадку возле вершины горы, он показал рукой вглубь полуострова.

— В Херсонесе фиасы объединяли людей разного статуса: граждан, метеков, а иногда и рабов. Но это было не тем равенством, как мы его сейчас понимаем, а совсем другим. Это было временное снятие различий. Ради общего действия. Как только культовое действие заканчивалось — различия возвращались.

— А если кто-то нарушал эти правила? — спросила Кира.

— Тогда фиас либо распадался, либо продолжался, но уже без этого нарушителя, — ответил Лонгин. — Поймите, фиас не зовёт обратно к столу и не ставит обратно в строй. Он просто перестаёт учитывать и допускать.

Эта фраза прозвучала неожиданно жёстко.

— Правила, дисциплина, наблюдение, — продолжил он. — В фиасе всё это есть, но присутствует в изменённом виде. Здесь нет контракта. А есть клятва. Но не та, что произносится вслух, а та, что подтверждается действием: пришёл

ли ты, когда тебе было неудобно; остался ли ты, когда стало неловко; продолжил ли ты, когда исчезла личная выгода или пропал интерес.

Он обвёл взглядом всех.

— Выйти из фиаса можно, — сказал он. — Но этот выход никогда не бывает нейтральным. Он всегда прерывает совместное действие: трапезу, ритуал, исихию — благоговейное молчание в молитве. После этого фиас продолжается, но уже без тебя.

Наступила пауза. Лонгин увлёк группу к противоположному краю смотровой площадки. Отсюда всё побережье с раскинувшимся внизу городом было видно как на ладони.

— Завтра мы не будем заключать договоров, — сказал он. — Мы не подписывали бумаг до сих пор и не станем делать этого впредь — в полном соответствии с законами древнего фиаса. Наша цель — увидеть, как ваши тела и эмоции отзовутся на вызов агона. Точно такого же, какой бушевал здесь две тысячи лет назад.

Ксения спокойно сказала:

— Главное — честное состязание. Без скидок на то, что среди нас есть девушки.

Александр усмехнулся:

— Скидок не будет.

Александр говорил без вызова, скорее с уважением, но в его тоне всё равно проскользнул привычный азарт соперника.

— И хорошо, — ответила она.

Алексей, наблюдавший за этой короткой пикировкой, тихо заметил:

— В античности это называли *ισονομία* — «равный порядок»⁹.

Ксения повернулась к нему.

— Тогда посмотрим, кто лучше понимает этот порядок.

Здесь вмешался Лонгин:

— Помните главное, прежде чем мы сделаем следующий шаг, — сказал он. — Агоны никогда не устраивались «по требованию» или просто «по желанию». Их ход подчинялся времени, которое не принадлежало людям, но заставляло их подчиняться беспрекословно.

Он поднял голову и показал на положение солнца.

— Главные олимпийские агоны начинались в первое полнолуние после летнего солнцестояния. Примерно в конце июля по нашему календарю. Это был первый день нового года — месяца Гекатомбион. Время начиналось заново, и тело должно было ему соответствовать агонально.

И все тут же уткнулись в смартфоны, начав гуглить фазы луны в этом августе.

— На Боспоре, — продолжил Лонгин, — агоны чаще всего посвящались Аполлону, по свидетельству Павсания. А

⁹ *ἰσονομία* (др.-греч. *ισονομία*) — равенство всех граждан перед законом, равноправие; один из основополагающих политических принципов древнегреческой демократии, означавший равное распределение прав и обязанностей.

значит, проводились с наступлением второго месяца года — Метегейтниона. В переводе на наш календарь Метегейтнион начнётся завтра. Пятнадцатого августа.

Эта дата прозвучала не как справка, а как призыв перейти временную границу.

— Именно поэтому наш проект сжат до предела, — добавил он. — Священное время нельзя имитировать или затянуть. В него можно только войти — в тот самый миг, когда оно наступает.

Он перевёл взгляд туда, где у горизонта лежало городище Нимфей.

— Мы обоснуемся в Нимфее, и выбор этот символичен, — сказал Лонгин. — Здесь шумели торжества с агонами в честь Диониса. Мы знаем это из надписи на архитраве:

«Теопрониф, сын Мегакла. Будучи агонифетом, посвятил этот вход Дионису...»

Он произнёс эти слова медленно, придавая им магическое звучание, словно это было заклинание.

— Агонифет — это не администратор, — продолжил он. — Это тот, кто отвечает за связь между богами, полисом и агонем. Уже в III веке до нашей эры здесь, в Нимфее, появилась эта надпись. Сегодня мы увидим её в Лапидарии. Она не содержит указаний на состязания, но в ней есть реальные имена.

Он внимательно посмотрел на медика Евгению, которая подкрашивала губы, и сказал:

— Такие списки делали не для красоты. Они вписывали человека в общую память.

— Если вы об этом, — сказала Евгения, показывая губную помаду, — то это бальзам от ветра и солнца, а не то, что вы подумали.

— Простите, это не упрёк. Ваша помада просто напомнила мне о сути древних списков, — улыбнулся Лонгин. — Но вернёмся к делу. Гимnasiархи были фигурами колоссального масштаба. В Пантикапее мы знаем, например, некоего Севфа — пожизненного гимнасиарха. Это не чиновник. Это человек, чьё тело и поступки были признаны достойными восхищения.

— Победитель агонев? — спросил историк Алексей.

— Скорее всего, — кивнул Лонгин. — Либо победитель, либо тот, кто воспитал несколько победителей, и ему доверили руководить пожизненно гимнасионом, в который он приглашал педотрибов по своему усмотрению.

В этот момент Анна коснулась струн. Послышалось несколько *arpeggio*, будто предварявших мелодию¹⁰. Они прозвучали от разных ступеней лидийского лада. Звучание этого лада сложилось в Лидии, где были полисы Троя, Смирна, Милет. И как раз выходцы из Милета стали первыми колонизаторами Боспора Киммерийского. Анна будто оживи-

¹⁰ **Arpeggio** (ит. *арпеджио*) — способ исполнения аккордов на музыкальных инструментах (преимущественно струнных и клавишных), при котором звуки берутся не одновременно, а последовательно один за другим.

ла память о первых переселенцах.

Михаил подошёл ближе.

— Это чтобы мы лучше воспринимали? — спросил он.

Она улыбнулась.

— Скорее чтобы настроились. *Ceci est une ouverture*¹¹.

— Тогда это полезнее любой разминки.

Степан слушал чуть поодаль. Он попытался было заговорить о древнегреческой музыке, но так и не нашёл, что сказать.

С этого момента античность явственно начала проникать в настоящее.

— Не думайте, будто всё это происходило только где-то «там», на Пелопоннесе, — сказал Лонгин. — И что сюда заглядывали лишь заезжие знаменитости, заморские олимпионики.

Он сделал жест рукой, будто очерчивая горизонт.

— Здесь было немало своих олимпиоников.

Слова прозвучали просто, но Лонгин подкрепил их жестом, указав обеими руками вниз — на землю, хранившую пласты древней истории.

— Миниатюрная панафинейская амфора IV века до нашей эры, найденная здесь — на горе Митридат, изображает бегуна с посохом, увенчанного головной повязкой. А призовой сосуд с мыса Ак-Бурун, найденный в захоронении знат-

¹¹ **Ceci est une ouverture** (фр. *сеси́э тюн увертю́р*) — это открытие, это начало (в более узком музыкальном и театральном контексте — «это увертюра»).

ного боспорского воина, и вовсе принадлежал триумфатору Панафинеи¹². Так что, говоря об агонах, мы не играем в прошлое. Мы стоим на земле, уроженцы которой не раз удостоивались высших почестей после блистательных побед в Афинах. Были среди граждан Пантикапея олимпионики и даже периодоники¹³, — заключил Лонгин.

— Ты говоришь так, будто их допуск был милостью со стороны афинян, — сказал Анахарсис.

Лонгин оглянулся. Убедившись, что для студентов Анахарсис остаётся невидимым, он осторожно ответил:

— Именно так, ведь эллины не допускали чужеродцев.

— Не допускали, — сказал Анахарсис. — Чужой для них — риск. Но запомни: риск выгоднее запрета.

Лонгин отступил в сторону, будто проверяя заметки в телефоне, и ответил почти беззвучно:

— Но олимпийские агоны закрывали от чужаков, пусть даже эллины и восхищались силой египтян, персов или фракийцев. Получается, первыми допустили именно вас — скифов. Сначала здесь — на Боспорских агонах, а потом разре-

¹² **Παναθήναια** (др.-греч. *панатхэ́найа*, визант. *панафíнеа*) — самые крупные религиозно-политические празднества в древних Афинах, проводившиеся в честь покровительницы города богини Афины и включавшие в себя священные процессии, жертвоприношения, а также спортивные и мусические состязания.

¹³ **Περιοδονίκης** (др.-греч. *периодонíкэс*) — победитель периода; почётный титул атлета, одержавшего победу на всех четырёх главных панэллинских играх (Олимпийских, Пифийских, Истмийских и Немейских), составлявших полный четырёхлетний цикл (период).

шили участвовать в Панафинейях.

Анахарсис улыбнулся.

— Нас допустили не потому, что мы стали своими. А потому, что мы изменили порядок.

— Создали прецедент, — сказал Лонгин.

— Нарушение, — поправил Анахарсис. — Прецедент — это имя, которое только потом дают нарушению.

— Выходит, здесь родились первые международные состязания — задолго до того, как появилось само это слово, — заметил Лонгин.

— Они просто расширили круг участников, — уточнил Анахарсис.

Лонгин огляделся и, понимая, что говорит не для всех, словно сам себе, тихо ответил:

— Но это в корне изменило природу агонов. Они перестали быть герметичными, закрытыми для чужаков. Эллина предвосхитили глобальный характер спорта, его открытость всему миру.

— И ради чего? — спросил Анахарсис. — В нём больше нет традиционных игр скифов, да и других народов. А мы принимали участие не только в олимпийских агонах эллинов, но и продолжали устраивать свои состязания, которыми восхищался Геродот.

— А мы и вовсе вытравили из спорта любые черты народных традиций, — ответил Лонгин. — Фиасы тоже убрали. Да и наши олимпийские игры теперь никому не посвящены.

— Выходит, вы хуже варваров, раз поклоняетесь не богам и не духам, а сами себе и своим атлетам, — заключил Анахарсис.

Лонгин посмотрел в сторону студентов, и сказал уже им:

— Нам придётся попробовать изменить наши взгляды, — сказал он. — Хотя бы только здесь и только сейчас. Потому что внутри фиаса мы должны проникнуться добродетелью и философией эллинов, погрузившись в их обряды изначальных олимпийских агонов.

Он обвёл группу взглядом.

— Завтра вы будете состязаться. Но сегодня уже стало видно, что вы готовы.

— Тогда скажи: ты введёшь их в агон — или в образ той жизни? — спросил Анахарсис.

Глава 2. Этика и нагота

Группа растянулась по всей Большой Митридатской лестнице: кто-то шёл быстрее, кто-то замедлялся. И все делали фото. Туристов всё ещё не было, так что вся лестница была в их распоряжении, став дромосом между мирами — античным и современным.

С каждым шагом по Митридатской лестнице становилось ясно: её длина имеет значение. Этот затяжной спуск был необходим — чтобы хватило времени обдумать всё, что приходит в голову по дороге из античного Пантикапея в современную Керчь.

Герман шёл чуть позади Ксении — не рядом, а на расстоянии в полшага, как будто не решался быть ближе. Степан тоже то догонял их, то отставал: парень явно стремился примкнуть к разговору, но сдерживался, чтобы не казаться навязчивым. Михаил держался ближе к Анне и всячески старался быть у неё на виду.

— Здесь античность не в самом низу, как это обычно бывает после раскопок, а выше, чем город, — подметил Лонгин. — Словно древние греки переместились вместе с руинами ближе к своим олимпийским богам. Кстати, само понятие «Олимп» означало предел обыденной жизни, где заканчивалось всё земное. Именно здесь рождается сакральный смысл руин Пантикапея. Ведь современный город не просто

сполз по склону вниз, а уступил место на самом верху античным святилищам и жилищам под покровительством богини очага Гестии. Так акрополь превратился в настоящий Олимп, навсегда очищенный от обыденности, за пределами человеческого времени. Как в мифе о самой Гестии, которую вместе с сёстрами Афиной и Артемидой проглотил их отец Хронос — титан, управляющий временем.

— Сильно сказали, прямо как тизер ужастика! — сказал Михаил.

— А что на самом деле случилось с людьми? — спросил Георгий. — Почему они бросили древнее имя города? Забыли даже реку Пантикапу, давшую название полису. Сейчас её зовут то Приморской, то Мелек-Чесме — язык сломаешь.

— Однозначного ответа нет. Видимо, волю богов сменила воля людей, — ответил Лонгин. — Вспомните другой миф, тоже о Гестии: Прометей похитил у неё священный огонь и отдал смертным. Получив этот дар, люди уподобились олимпийцам, а со временем и вовсе забыли их, посчитав себя равными богам.

Обернувшись к вершине, Лонгин внезапно начал декламировать стихотворение «Ионическое» греческого поэта Константиноса Кавафиса:

*«Зачем их статуи разбили мы,
зачем их выгнали из храмов мы,
ведь боги — нет, не умерли от этого.
Земля Ионии, ты ими всё любима,*

*их души о тебе не позабыли.
Когда тебя целует утро августа,
их жизнью пламенеет воздух твой,
а иногда и тело юное, небесное,
неясное, поспешно пролетает
поверх вершин холмов твоих волнистых»¹⁴.*

— Вот и живут теперь древние пантикапейцы в собственных мифах, — подхватил тему Алексей. — Став, подобно богам, невидимыми обитателями горы Митридат — подобия Олимпа.

— Ну почему же подобия? — возразил Лонгин. — Это вполне себе Олимп. Тем более что Олимпов было много. Только в восточном Средиземноморье насчитывался добрый десяток вершин с таким именем. Свои Олимпы были в Аркадии, на Кипре, Лесбосе, в Малой Азии и Леванте. Геродот упоминал Мидийский Олимп — тот, что высится над нынешней Бурсой. В Анталии есть Ликийский Олимп. Так что и эта керченская гора... вполне может считаться Олимпом. Тем более что следов Митры здесь не нашли, а все здешние алтари посвящались богам Олимпа.

— Да здравствует новый Олимп Пантикапея! — воскликнул Платон и протянул руки к небу.

Все вдруг начали аплодировать и вслед за философом протянули руки к небу.

¹⁴ **Перевод** Владислава Некляева, псевдоним Vlanes.

— Ἀξίος! — крикнул он же, и все его поддержали хором¹⁵.

Когда восторг стих, Таисья спросила:

— А мы до какой степени завтра будем перевоплощаться в древних пантикапейцев — в смысле отсутствия одежды на агоне?

Вопрос прозвучал слишком конкретно, разом задев каждого за живое. Кто-то нервно рассмеялся — так смеются люди, пытающиеся обнаружить границы допустимого через шутку.

Ксения заметила, что Степан смотрит не на Лонгина, а на реакцию девушек, и отвела взгляд.

— Гимнасий, — ответил Алексей. — Происходит от γυμνός — «обнажённый»¹⁶.

— Спасибо, — отозвалась Родика. — Важное разъяснение. Надеюсь, завтра ты подкрепишь его личным, так сказать, историческим примером. На себе самом.

Тут все засмеялись над её удачным приколом.

— В раздевалке мы тоже без формы, — вступилась Ксения. — И это часть тренировочного процесса. Правда, не

¹⁵ Ἀξίος! (др.-греч. *аксиос*) — «достоин!»; возглас одобрения и признания заслуг человека гражданской общиной или полисом, изначально использовавшийся эллинами в народных собраниях, судах и при чествовании победителей на состязаниях-агонах за их доблесть.

¹⁶ Γυμνός (др.-греч. *гюмно́с*, визант. *гимно́с*) — обнажённый, нагой, непокрытый; в контексте культуры эллинов — традиционное состояние атлета во время тренировок в гимнасиях и участия в состязаниях-агонах (от этого корня произошло слово «гимнастика»).

публичного.

— Не утрируйте, — вмешался Лонгин. — Девушки будут в коротких хитонах с открытой грудью, а юноши смогут надеть перизомы между тренировками и соревнованиями¹⁷. Это было оговорено в приглашении на эксперимент.

Платон посмотрел вниз через каменные перила — туда, где лестница терялась в перспективе:

— Одежда — это граница. Когда её нет, границу начинает устанавливать взгляд. И тогда вопрос не в теле. А в том, кто смотрит и на кого.

— Стеснение — это чистая физиология, — сказала Евгения. — Оно запускает стресс, стресс снижает тонус, а в итоге из-за сбоя в самочувствии полностью ломается и модель поведения.

— Правильно, — поддержал Платон. — Этика начинается не с правил, а с реакции на поведение — своё или других.

— То есть мы просчитываем отклик на обнажение, которого ещё нет, и заранее моделируем реакцию на ожидаемый эффект, — заметил Герман.

— Именно, — кивнув, ответила Евгения.

— В античности тело сначала видели, а уже потом обсуждали. Мы же сейчас всё делаем наоборот — обсуждаем то,

¹⁷ **Περιζώμα** (др.-греч. *перидзома*, визант. *пери́зома*) — набедренная повязка, опоясание; традиционный элемент мужского и женского нижнего белья или рабочей одежды в античности, который оборачивался вокруг бёдер в виде короткой юбки (в архаический период её носили и атлеты, пока в культуре эллинов не утвердился идеал полной обнажённости — *гюмнос*).

чего ещё не видели, — заключила скульптор Вероника.

— Вот-вот, я ещё никого не вижу голым, но уже начинаю стесняться — особенно оттого, что теперь уже точно увижу всех голыми, — покраснев, призналась Анна.

Она виновато улыбнулась, как будто хотела спрятать слова обратно. Михаил, стоявший рядом, чуть сдвинулся ближе — не демонстративно, а так, как делают, когда в тесной очереди кого-то пытаются прикрыть от чужих взглядов.

— Нормально, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Ты не одна так думаешь.

Анна кивнула ему благодарно — так, что это увидели только двое. И именно это «только двое» почему-то резануло Никиту: он не смотрел на них прямо, но заметил и запомнил, как запоминают чужую удачу.

Он хотел добавить что-то ещё, но поймал себя на том, что не знает, как разговаривать с человеком, который слышит античную музыку, а вокруг него уже обсуждают масло и наготу.

Чуть дальше стоял Герман, он посмотрел на них — быстро, без улыбки — и тут же отвёл глаза, будто нечаянно заглянул в чужую переписку.

Разговор оборвался. Это внезапное откровение повисло в воздухе тревожным вызовом, по-настоящему задевшим каждого.

В этот момент Лонгин опять ушёл в себя — Анахарсис спросил его:

— Ты боишься наготы — или взгляда?

— Мы привыкли считать наготу интимной, — ответил Лонгин. — А древние греки — публичной.

— В гимнасии я боялся не своего тела, — сказал Анахарсис. — Я боялся чужого взгляда. Когда тело открыто, ложь становится невозможной. Силу нельзя притворить слабостью. Изъян нельзя прикрыть словами.

— Всё так. Нагота — это уязвимость, которая пугает, от того мы её избегаем и даже порицаем, — ответил Лонгин.

Анахарсис усмехнулся.

— Уязвимость всегда видна. Но когда тело постоянно прячут в одежде, то со временем начинают его бояться — бояться не только показать своё, но и увидеть чужое.

Лонгин с удивлением посмотрел на обогнавших его студентов — они на мгновение показались ему обнажёнными.

— Они начинают стесняться друг друга ещё до того, как решились обнажиться, — сказал он.

— Агон начинается раньше движения, — ответил ему Анахарсис. — Сначала — речь. Потом — тело.

Лонгин спешно догнал группу. Сейчас уже не только ему, но и студентам стало казаться, что все они облачены в гиматии поверх хитонов на голое тело. Мысль о наготе перестала быть абстрактной — она стала личной для каждого.

Кто-то невольно поправил ворот футболки, кто-то — ремешок часов. Ксения дотронулась пальцами до предплечья — будто проверяя, не выступила ли на коже «лишняя реак-

ция». Герман заметил это движение и отвёл взгляд, как от чего-то интимного, случайно увиденного.

Все разгорячились — уже неясно, от разговора или от взошедшего солнца. К тому же внизу, у подножия горы, куда они спустились, ветер уже не обдувал так, как на лестнице.

Тем приятнее было всем оказаться в прохладе Керченского музея древностей, где была экспозиция «Боспорские агоны». Посредине стоял Горгиппийский каталог, а по обе стороны от него — Херсонесский каталог и стелы с именами фиасов Пантикапея и Феодосии.

Но все сразу обратили внимание на реалистичные манекены атлетов — мужчин и женщин. Их нагота была музейной — нейтральной, без запаха, без волнения. Никаких чувств они не вызывали, как манекены в магазинах одежды. Музейный минимализм казался оправданным: пластик не должен вызывать эстетического восторга — это ведь не статуи Мирона, Лисиппа или Фидия. Это просто тела без жизни. Их задача — лишь демонстрировать одежду и амуницию атлетов.

Перед манекенами был металлический слиток с надписью «талант», который можно было поднять. Ирония этого интерактива заключалась в том, что талант весил 28 килограммов. Его можно было поднять — но не унести. Столько стоили занятия мусическими искусствами. Это сейчас мы называем талантом метафизические способности к искусствам, а тогда это была мера затрат на обретение навыков. Правда, и тогда их можно было не обретать, а просто зарыть талант в

землю, чтобы сберечь богатства, а заодно и скрыть от глаз посторонних.

Михаил попробовал поднять над головой, но у него не получилось, что вызвало смех. В своё оправдание он сказал:

— Его не за что ухватить.

Остальные испытывать силу не решились. Сказалась ленивая музейная прохлада, расслабившая ребят после зноя.

Ксения потёрла плечи: из-за резкого перепада температур по коже бежали мурашки — прямо над ней гудел кондиционер.

— Тебе холодно? — спросил Герман и, не дожидаясь ответа, протянул ей свою ветровку. — Накинь. Потом отдашь.

— Спасибо, — ответила она с лёгким удивлением.

Её поразила не сама передача ветровки, а то, что посторонний человек вообще способен замечать чужие телесные реакции.

Степан, стоявший рядом, хотел сказать что-то шутливое, но так и не сказал. Вместо этого он резко отошёл в сторону.

Лонгин прошёл в следующий зал — к застеклённому кипарисовому саркофагу с останками атлета — и негромко сказал:

— Археологи определили, что это атлет, по двум признакам. Он похоронен со стригилем и чашей, украшенной окаменевшей виноградной лозой. К тому же он не дожил до старости, умерев лет в сорок пять — пятьдесят. На костях остались характерные следы: проблемы с позвоночником и су-

ставами от избыточных нагрузок, а ещё признаки подагры — болезни тех, кто потребляет слишком много мяса. Значит, покойный был богат и истязал себя тренировками. Типичный атлет.

Затем, разглядывая копии фресок из анапского «склепа Геракла»¹⁸ над саркофагом, Лонгин продолжил:

— Именно с Гераклом связано начало Олимпийских игр. Он учредил эти состязания и установил приз — венок из дикой оливы. Один стадий равен длине 600 его стоп. Геракл окончил борьбу с самим Зевсом вничью и после этого основал в Олимпии храм в его честь. По играм возле этого храма стали вести летоисчисление. Так Олимпиады стали тождественны времени.

— Но со временем тела дряхлеют, — заметила скульптор Вероника.

— Это так, — согласился Лонгин. — Но эллины всегда стремились к целостному телу — не просто сильному, а благопристойному. Они выделялись трепетным отношением к человеку, основанным на эстетике красоты. Даже мёртвым старались придать благолепный вид. А живую плоть подвергали пластике, буквально лепили её. Именно поэтому эллины заложили фундамент анатомии, медицины и гимнастики — прообраза современного спорта.

— Тело должно быть хорошим, каким эллины его изоб-

¹⁸ Эти фрески никогда не выставлялись после обнаружения в 1975 году в Анапе, они окислились при вскрытии и требуют реставрации.

ражали даже в момент боли, — уточнила Вероника. — Оно должно быть пригодным для хорошей жизни, а значит, должно быть хорошим, безо всяких изъянов. Вспомните их статуи — атлетов, богов и героев, — в них нет никакого уродства, даже лишённые голов и конечностей, они выглядят великолепно.

— Всё верно, для идеального тела у них существовало понятие ἀρετή, — подхватил Платон. — В эллинской философии оно означало высшую доблесть и совершенство¹⁹.

— Любые увечья эллины считали дурным знаком и называли их στίγμα, — заметила Евгения²⁰. В медицину это понятие вошло как синоним отклонения от нормы. Стигмой врачи называют проявление болезни, отчётливый симптом патологии.

— А как же они подвергали себя риску увечий в борьбе и в бою? — спросила Родика.

— Риск был, — возразил Алексей. — Но стигматизировались не увечья, а слабость.

— Или дурные поступки, — добавил Лонгин. — Выжжен-

¹⁹ **Ἀρετή** (др.-греч. *арэтэ*) — доблесть, добродетель, превосходство; фундаментальное понятие этики и культуры эллинов, означающее внутреннее совершенство, исполнение своего предназначения, а также проявление высших качеств ума, тела и духа в повседневной жизни и состязаниях.

²⁰ **Στίγμα** (др.-греч. *сти́γμα*) — укол, рубец, клеймо; знак на теле раба или преступника, выжигавшийся или выкалывавшийся для обозначения его правового или социального статуса (в христианской традиции этот термин приобрёл новое значение религиозных знаков, ран или язв на теле верующих).

ные и татуированные знаки на теле эллины тоже называли стигмой, потому что таким образом они метили рабов и преступников. Свободные граждане полисов избегали любых отметин на коже и стремились сохранять тело без отметин — как символ чистых помыслов и явного покровительства богов. Поэтому эллины старались сразу избавляться от любых изъянов на коже: бородавок, последствий угревой сыпи, шрамов, пигментных и родимых пятен. Получается, стигма — это обратная сторона харизмы²¹, божественного дара. А стигматизация — необратимое разрушение предначертанного благолепия.

— Я никогда не слышала сразу столько всего интересного о теле, — сказала режиссёр Таисья. — Это взрыв мозга какой-то. В хорошем смысле.

Таисья произнесла это с двусмысленной интонацией: оставалось лишь гадать, восторгается она или откровенно провоцирует.

Георгий поднял камеру чуть выше, на секунду задержал её на Таисье, а потом спохватился и опустил объектив, будто вспомнил про правила, которые сам же обещал соблюдать.

Таисья заметила это движение и повернулась, пристально посмотрев на оператора.

— Я вижу не сцену, — сказала она. — Я вижу, кто сейчас

²¹ **Χάρισμα** (др.-греч. *χάρισμα*) — дар, благодать, милость; в античной культуре понималось как божественный дар, обаяние, привлекательность или способность вызывать восхищение (в христианской традиции термин стал означать особые духовные дары, ниспосылаемые верующим Святым Духом).

себя контролирует. А кто уже нет.

И это «кто уже нет» прозвучало так, будто она заранее знает, кого именно имеет в виду. Сказала — и улыбнулась так, что Георгий смутился.

— Животная похоть тоже стигматизировалась, — продолжил Лонгин. — Эллина считали эрекцию дикостью, свойственной лишь зверям. Когда пёс возбуждён, это слишком очевидно. Подобная демонстрация изнанки тела казалась грекам верхом уродства — непристойным обнажением, которое они называли ἀνάστυμα²².

— А как же они избегали оголений в борьбе? — спросил Михаил. — Там же невозможно постоянно прикрываться.

— Во время гимнастических упражнений, чтобы скрыть произвольные обнажения, мужчины надевали «собачий поводок» — κυνoδέσμη²³. Изображение кинодесмы можно увидеть на амфорах, статуях и анаглифах.

Он показал на витрине и продолжил:

— Но здесь крылся парадокс: эрекция у живого человека вызывала брезгливость, тогда как фаллические изваяния

²² **Ἀνάστυμα** (др.-греч. *анасътума*, визант. *анасирма*) — задиранье одежды; ритуальное или демонстративное обнажение нижней части тела (преимущественно женского), использовавшееся в античных культовых практиках, обрядах плодородия, а также в качестве апотропического (отгоняющего зло и демонов) жеста.

²³ **Κυνoδέσμη** (др.-греч. *кюнодэсмэ*, визант. *кинодэсми*) — собачий поводок; кожаный шнурок или тесьма, которой древнегреческие атлеты туго подвязывали крайнюю плоть полового органа во время тренировок и состязаний, чтобы скрыть головку и закрепить её у основания пениса или вокруг талии ради удобства движений и соблюдения приличий при полной наготе (гюмнос).

были настолько желанными, что породили целый культ, посвящённый богу плодородия Приапу. Это были талисманы на удачу, их воплощали в ювелирных украшениях, домашней утвари и росписях жилых комнат. А на ежегодных Дионисиях даже устраивали фаллофории — шествия с фаллосами под песни фалликоны, соответствующего содержания.

— А мальчикам тоже их приготовили? — спросила Ксения.

Степан хохотнул слишком громко — будто надеялся шумом заглушить подступившую неловкость.

— Ну всё, — сказал он. — Завтра точно станет ясно, кто тут реально «готов к античности», а кто — потенциальный пациент психдиспансера.

Ксения повернулась к нему и хотела ответить колко — но рядом оказался Герман, и она вдруг сказала мягче, чем собиралась:

— Ты просто нервничаешь. Это нормально.

Степан кивнул, но посмотрел не на неё, а куда-то в сторону — как человек, который слышал «нормально» там, где ему хотелось услышать, что это совсем не «нормально».

— Если будет совсем некомфортно, то можно использовать перизомы, — сказал Лонгин. — Набедренные повязки.

— А девочкам что? — спросила Кира. — Мы будем без нижнего белья?

— У вас будут короткие хитоны и те же перизомы, если понадобятся, — ответил Алексей.

— Кстати, к женскому телу эллины относились столь же двояко, — заметил Лонгин. — Участницы Герей облачались в короткие, до колен, хитоны, но свято оберегали от чужих глаз лоно. На античных статуях вы никогда не увидите анатомических подробностей. Было всего одно исключение — богиня непристойности Баубо, которую изображали с широко раздвинутыми ногами. Её культ связан с Деметрой и Элевсинскими мистериями. Подобные статуэтки служили обычными талисманами на удачу.

— Я видела подобный барельеф, — вспомнила Анна. — На воротах Порта Тоза в Милане. Там высечена женщина, бреющая между ног.

— Да, римляне унаследовали этот культ, — кивнул Лонгин. — Но на миланских воротах перед нами уже не просто талисман, а апотропей — мощный оберег от сглаза.

— Такими же апотропеями были высунутые языки. Медуза Горгона с высунутым языком изображалась на щитах воинов. Её лик породил целую традицию в украшении оружия и домашней утвари — Горгонейон. Высунутый язык у эллинов символически приравнивался к оголению фаллоса, а потому считался злейшим оскорблением. Когда тиран Никокреон пытал философа Анаксарха, сопровождавшего Александра Македонского, тот откусил себе язык, чтобы не проговориться, и выплюнул ему в лицо. Его изрубили на куски и оставили непогребённым за такое ужасное оскорбление.

Все саркастично переглянулись с нарочито сомкнутыми

губами.

Лонгин вернулся к началу экспозиции и пригласил всех подойти. Он встал возле бюста и портрета Анахарсиса, словно наблюдавшего за тем, как студенты изумляются порядкам Древней Греции. Казалось, что и профессор мысленно возвращается к своему первому визиту в Афины. Под фреской скифского мудреца чернела вязь:

«Анахарсис. XVII век. Гурий Никитин. Копия».

— Это копия первого портрета Анахарсиса, — сказал Лонгин, — сына третьего скифского царя Гнура и знаменитого путешественника по древнегреческой ойкумене. О нём оставили отзывы свыше семидесяти античных авторов. Со слов Эфора, он изобрёл гончарный круг, двузубый якорь и кузнечные меха. Также он слыл искусным врачом, исцелявшим при помощи трав. А мудрейшим его считали, поражаясь яркости мыслей и точности образов в его высказываниях. С ними я вас непременно ознакомлю.

Эти слова вызвали сильное оживление: все удивились услышанному и тут же принялись гуглить его биографию. И только Михаил решил спросить Лонгина:

— А почему его портрет разместили здесь?

— Потому что его беседа с правителем Афин Солоном, — продолжил Лонгин, — стала важнейшим источником знаний о гимнастических практиках и олимпийских агонах. Правда, изложил её почти семь веков спустя Лукиан Самосатский. А записать его высказывания по горячим следам не могли: к

моменту приезда скифа письменность в Древней Греции едва зарождалась. Даже поэмы Гомера тогда можно было услышать только в декламациях рапсодов.

Кристина тихо произнесла:

— То есть он жил «во времена оны» — задолго до Христа. Но как тогда понимать, что его портрет оказался в православном храме?

— Всё верно. Его портрет был в галерее античных философов и поэтов на лестнице, ведущей в храм. На левой стороне были Анахарсис, Аристотель, Ермий, Иродион, Плутарх. На правой стороне — Гомер, Орфей, Платон, Птолемей, Солон. Галерея была в притворе Преображенского собора Новопасского ставропигиального монастыря в Москве. Но после реставрации фрески сняли ради сохранности и передали в музеи. Для Керчи же изготовили копию. Ведь Анахарсис — ровесник Пантикапея, живой символ встречи эллинов и скифов, Запада и Востока. А в наши дни — Европы и России.

Он сделал паузу.

— Историк Иван Снегирёв так цитирует митрополита Филарета, благословившего эту галерею:

«Таким изображением отцы наши хотели выразить, что никогда языческая мудрость не восходила выше низших ступеней христианского храма».

Курсант Александр задумчиво сказал:

— То есть их допустили... но не выше притвора?

— Именно, — ответил Лонгин. — Они стояли на пороге. Предощущали истину, но не осознали её в полной мере, по мнению иерархов церкви.

— Значит, портрет Анахарсиса — чистая фантазия спустя две с половиной тысячи лет? — спросил Алексей.

— Нет, — возразил Лонгин. — Гурий Никитин, как я уже вам сказал, написал портреты многих философов, обратившись к реалистичным изображениям их бюстов. По аналогии он представил лица тех, о ком твердили хроники. Мастер, ваявший этот бюст, пошёл тем же путём, но в обратную сторону: сопоставил фрески с античной пластикой. А затем, сверив черты с обликом скифских царей, воссозданным по найденным черепам, вылепил этот портрет.

Лонгин увлёк группу вглубь следующего зала. Там, у дальней стены, под стеклянным куполом, в лучах тёплой подсветки покоился небольшой предмет.

— Это не просто сосуд, — продолжил Лонгин. — Это ритон. Из него совершали возлияния в канун важных событий. Перед договором. Перед жертвой. Перед состязанием. Причём ритуал этот объединял и эллинов, и скифов. Изменившись, он дожил до наших дней. В христианской традиции такие бескровные жертвы стали либациями — ритуальными возлияниями²⁴. Это вообще один из древнейших обрядов на

²⁴ **Либация** (лат. libatio, от глагола libare — «совершать возлияние») — ритуал жидкого жертвоприношения богам, заключавшийся в проливании вина, мёда или масла на алтарь или землю; понятие восходит к эллинистическим религиозным терминам *λοιβή* (др.-греч. *лойбэ*) и *σπονδή* (др.-греч. *спондэ*), обозначавав-

земле: он зародился ещё у шумеров и египтян, а сегодня сохраняется в практиках буддизма, индуизма и других мировых религий.

Свет вокруг ритона сверкал густым, тёплым золотом — словно металл впитал в себя цвет выжженной степной травы. Ребристый корпус ритона переходил в голову барана — с изогнутыми рогами, напряжённым лбом и внимательными глазами.

Платон тихо заметил:

— То есть агон начинался не с движения, а с дара.

— Именно, — кивнул Лонгин. — С признания предела. Победа не принадлежала человеку, она возникала с позволения богов преодолеть — сначала привычное, а затем — возможное.

Анна задержалась у витрины дольше остальных. Золото не казалось ей роскошью. Скорее — драгоценным молчанием.

— Il silenzio è d'oro, — сказала Анна. — Молчание — золото.

Михаил стоял рядом. Ему не было дела до древнего золота, музейных датировок или таинств возлияния, но внезапно стало важно: почему Анна держится в стороне от остальных?

— Красивый, — сказал он осторожно, подходя к ней. — Но какой-то... тяжёлый на вид.

Анна не повернулась сразу. Только чуть кивнула:

— Да. Он не про «легко и красиво». Он про то, «как надо».

Михаил хотел спросить, что именно «надо», но в этот момент она сама произнесла:

— Он как будто ждёт. наших верных поступков.

Она впервые повернулась к Михаилу полностью — не как к коллеге по эксперименту, а как к человеку, который её услышал. И Михаил, сам не понимая почему, перестал улыбаться — это была редкая секунда, когда он не «держал лицо».

Рядом с ритонном покоился жертвенный стол. Время оставило на нём свои отметины, но в них угадывался не хаос, а строгий порядок, выверенный, точно геометрия Евклида. Лонгин встал рядом с ним и произнёс:

— Перед вами не алтарь. Это *τραπέζα*, жертвенный стол. На нём не уничтожают — предлагают. Алтарь — *βωμός* — там, где огонь. Там материя проходит границу. Здесь же — точка встречи²⁵.

Он медленно провёл рукой в воздухе над столом.

— Эллины не мыслили это подношение как потерю — то была лишь ошибка поздних интерпретаторов. В жертве они

²⁵ **Τράπεζα** (др.-греч. *трапэда*, визант. *трапэза*) и **Βωμός** (др.-греч. *бомос*, визант. *вимос*) — жертвенный стол и алтарь; в религиозной практике эллинов трапеза служила столом для бескровных приношений (овощей, фруктов, хлеба), где божеству «предлагали» пищу, в то время как бомос являлся возвышением с очагом для кровавых жертвоприношений, где материя сжигалась в огне, переходя границу миров.

видели установление соразмерности между человеком и миропорядком. Любое действие — от большой войны до утренней тренировки в палестре — брало начало с этого жеста. Даже перед упражнениями, как пишет Платон, совершались возлияния. Простые, почти незаметные.

Он делает паузу.

— Не всегда требовался жрец. Возлияние — σπονδή — мог совершить любой²⁶. Вода, вино, молоко. Это был не спектакль, а установление ритма. Синхронизация с космосом.

Лонгин указывает на воображаемые предметы:

— Плоды. Первые дары урожая — ἀπαρχαί²⁷. Хлеб, сыр, молоко. То, что питает человека, возвращает его к первоматерии, по Аристотелю.

Он смотрит на студентов.

— Заметьте: здесь нет посылы «отдать лучшее богам». Перед нами смиренное признание того, что ничто в этом мире не принадлежит нам окончательно.

Девушки инстинктивно прижали к себе сумки, будто за-

²⁶ **Σπονδή** (др.-греч. *σπονδή*) — возлияние, священный союз; ритуал проливания вина или других жидкостей в честь богов (от этого же корня произошло слово σπονδαί — перемирие, мирный договор, который у эллинов традиционно скреплялся совместным совершением ритуальных возлияний).

²⁷ **Ἀπαρχαί** (др.-греч. *απαρχαί*) — начатки, первые плоды; ритуальное приношение первых плодов урожая, приплода скота или части военной добычи богам до начала их использования человеком (символизировало благодарность за изобилие и признание верховной власти божества над земными благами).

щающаяся от услышанного.

— Уже у Гомера мы видим описание этого ритуала. И он почти не меняется столетиями. Потому что это не традиция — это структура мышления.

— Но почему у древних греков были так распространены бескровные жертвы? — спросил Платон. — Тогда как у всех остальных были заклания животных.

— Они попросту созвучны будням, — ответил Лонгин. — Кровь — это всегда предел, потрясение. А хлеб и вино — сама ткань жизни. Эллины несли к алтарю не исключительное, а норму, привычный уклад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.